

В. П. Авенариус

**Образцовые сказки русских
писателей**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
В11

В11 **В. П. Авенариус**
Образцовые сказки русских писателей / В. П. Авенариус – М.: Книга по Тре-
бованию, 2024. – 276 с.

ISBN 978-5-517-84201-5

ISBN 978-5-517-84201-5

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ОГЛАВЛЕНІЕ.

СТРАН.

Предисловіе VII—XIV

СКАЗКИ:

- I. Прологъ. А. Пушкина. 1
- II. Сказка о царевичѣ Хлорѣ. Императрицы
Екатерины II 3
- III. Война мышей и лягушекъ. В. Жуковскаго 18
- IV. Городокъ въ табакеркѣ. Князя В. Одоев-
скаго (Дѣдушки Иринея). 32
- V. Черная курица. А. Погорѣльскаго. . . 43
- VI. Драматическая сказка объ Иванѣ Ца-
ревичѣ, о Жарь-Птицѣ и о Сѣромъ
волкѣ. Н. Языкова 64
- VII. Старинная сказка о судѣ Шемякѣ.
Н. Полевого. 95

	СТРАН.
VIII. Правда и Кривда. В. Даля	109
IX. Три зятя. М.	115
X. Свое и чужое. М. Чистякова	121
XI. Озеро-слободка. Г. Данилевскаго	124
XII. Свѣтлое Христово воскресеніе. Д. Григоровича.	128
XIII. Мальчикъ у Христа на елкѣ. Ѳ. Достоевскаго	147
XIV. Кузнечикъ-музыкантъ. Я. Полонскаго	153
XV. Мухоморъ. А. Коваленской	168
XVI. Маланьины стрѣлки. Н. Ахшарумова.	178
XVII. Чтó говоритъ керосинъ въ горячей лампѣ. Ю. Симашко	191
XVIII. Вавило. В. Острогорскаго	194
XIX. Волкъ. Н. Каразина	204
XX. Сказка о пчелѣ Мохнаткѣ. В. Авенариуса	209

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Сказка занимаетъ въ литературѣ небольшое, но самостоятельное мѣсто. Она — младшая сестра сказанія, — этой исторіи народа, имъ самимъ рассказанной и опозитивированной. Тогда какъ общественная жизнь народа, подвиги его полубоговъ-героевъ выливаются въ вѣковѣчный богатырскій эпосъ, въ былевую пѣсню, — внутренняя, частная его жизнь, съ вѣрованіями и обычаями стародавними, съ юморомъ и мудростью народными, ищетъ болѣе скромнаго исхода въ поговоркахъ, пословицахъ, причитаніяхъ, а главнѣе всего — въ сказкѣ. Сказка волшебнымъ жезломъ своимъ раскрываетъ намъ двери и въ царскія палаты, и въ убогую хижину, даетъ заглянуть намъ и въ обдѣнный, домашній бытъ, и въ сокровеннѣйшіе помыслы и чувства нашихъ ближнихъ. Былевой эпосъ, пріуроченный въ началѣ къ опредѣленнымъ событіямъ и именамъ, со временемъ постененно разрушаясь, обращается наконецъ также въ сказку; факты обобщаются, а богатыри и богатырицы обезличиваются въ Ивановъ-царевичей, въ Васились-прекрасныхъ и служатъ выраженіемъ уже не извѣстной какой-либо эпохи, а той или другой основной идеи. Но чародѣйная область сказки не ограничивается людскою средою; она захватываетъ и

VIII

весь окружающій міръ органической и неорганической: животныя отъ мала до велика заговариваютъ въ ней понятнымъ для насъ, человѣческимъ языкомъ; растенія одушевляются, камни оживаютъ; самыя силы природы (Солнце, Молнія, Вѣтеръ) одухотворяются; и даже отвлеченныя понятія (Правда и Кривда) облекаются въ плоть и кровь.

Нѣтъ народа, у котораго не было бы сказокъ—этого перваго воплощенія пробуждающейся человѣческой мысли; и сказки чуждыхъ теперь другъ другу народностей нерѣдко сходятся въ основныхъ своихъ тѣмахъ, которыя, такимъ образомъ, ведутъ свое начало еще изъ временъ до-историческихъ, когда все человѣчество составляло какъ-бы одну семью. Такая долговѣчность сказокъ объясняется, независимо отъ коренныхъ ихъ идей, излюбленныхъ народомъ, еще ихъ общностью и доступностью, особенно же преобладающею въ нихъ гуманностью, находящею откликъ во всякомъ мало-мальски неиспорченномъ сердцѣ. Съ развитіемъ человѣчества, для высшихъ его слоевъ само собою должно было утратиться первоначальное значеніе стародавнихъ сказокъ. Насъ, трезвыхъ сыновъ XIX вѣка, привлекаетъ въ нихъ уже не мистическая и мифическая ихъ сторона; мы снисходимъ любоваться только ихъ общею прелестью: ихъ простодушнымъ міровоззрѣніемъ и наивною замысловатостью, ихъ здоровымъ юморомъ и мѣткимъ языкомъ. Но для малютокъ нашихъ, по умственному кругозору своему стоящихъ на одномъ уровнѣ съ первобытными народами, сказка имѣетъ еще свое особое значеніе. Запасъ свѣдѣній ребенка еще такъ скуденъ, житейская опытность еще такъ бѣдна, а жажда знанія, а стремленіе къ прекрасному и высокому, врожденныя ему, уже такъ неутолимы! Но кладезь строгихъ наукъ для него слишкомъ глубока; ключевая струя ихъ

слишкомъ холодна: гдѣ же искать ему источника для своей ненасытной любознательности, какъ не въ лучезарномъ мірѣ сказокъ, гдѣ житейская правда такъ заманчиво и, въ то-же время, такъ удобопонятно перемѣшана съ затѣйливымъ вымысломъ; чѣмъ утолить свои безотчетные порывы міровой любви, какъ не этими чистосердечными откровеніями первобытнаго человѣка? И съ заколдованнымъ царевичемъ, и съ бѣднымъ оборвышемъ обходитъ онъ бѣлый свѣтъ, какъ ровня, рука-объ-руку. И звѣри, и птицы, и малая букашка—ему близкіе друзья, которыхъ онъ отлично понимаетъ, которымъ сочувствуетъ всею своею невинною душою. Самъ онъ не болѣе, какъ старшій братъ ихъ, первенецъ и баловень природы, неотрвавшійся еще отъ материнской ея груди, подобно намъ, взрослымъ, а живущій съ нею одною общею, міровою жизнью.

Но не прививаются ли слабому и чересчуръ довѣрчивому уму ребенка сказочными небылицами превратныя понятія о жизни, о мірѣ Божьемъ?

О, дѣти наши далеко не такъ прсты, чтобы въ сказочныя чудеса вѣрить безусловно! Играютъ же они въ куклы, въ лошадки, играютъ съ увлеченіемъ, но ужели они не знаютъ, что это игра? И самая чудесная сказка въ концѣ концовъ остается для нихъ все-же „сказкой“. Но фантазія, эта неотлучная спутница всякаго самостоятельнаго мышленія, пробуетъ здѣсь впервые свои крылья; но реальныя образы, неревитые цвѣтами фантазіи, укладываются въ дѣтской головкѣ свободнѣе и легче; но отвлеченныя понятія и возвышенныя стремленія (справедливость къ ближнимъ, состраданіе къ несчастнымъ, уваженіе къ старшимъ и проч.), вылитыя въ наглядную, осязательную форму, запечатлѣваются въ душѣ ребенка явственнѣе и глубже. Ко всему этому, онъ незамѣтно

Х

усвоиваетъ себѣ и удачныя пословицы и присловья, выразительныя обороты рѣчи, присущіе народной сказкѣ.

Вотъ достоинства сказки въ воспитательномъ отношеніи; въ этомъ-же и ея слабая сторона. Быстро и охотно воспринимаемая дѣтскимъ воображеніемъ, сказка служить и самымъ опаснымъ проводникомъ не-дѣтскихъ идей. За примѣромъ идти недалёко: назовемъ только двѣ сказки, пользующіяся, благодаря своему остроумію и внѣшнему интересу, всемірною извѣстностью: сказки эти— „Котъ въ сапогахъ“ и „Синяя борода“. Въ одной, отъ начала до конца, торжествуютъ ложь и обманъ; другая имѣетъ предметомъ дурныя супружескія отношенія и кровожадные инстинкты. Между коренными русскими народными сказками не мало также такихъ, которыя, по содержанію своему, вовсе не пригодны для дѣтей. Но и остальные изъ нихъ, какъ плоды незрѣлой и необузданной сознательнымъ мышленіемъ фантазіи, страдаютъ, по большей части, съ одной стороны—длиннотами и ничѣмъ немотивированными вставочными эпизодами, съ другой—недосказанностью. Такъ, при всемъ обиліи скопленнаго у насъ вѣками сказочнаго матеріала, матеріалъ этотъ, въ настоящемъ своемъ, сыромъ видѣ, не отвѣчаетъ требованіямъ строгой педагогики. Большую услугу поэтому оказали нашимъ дѣтямъ тѣ изъ русскихъ писателей-художниковъ, которые, съ легкой руки Пушкина, черпали свое вдохновеніе изъ народной сказки: сохраняя всю ея образность и силу, они сообщали ей внѣшнюю и внутреннюю законченность. Рядомъ, однако-же, съ народной художественной сказкой, не меньшую пользу могутъ принести дѣтямъ и оригинальныя художественныя сказки, спеціально приспособленныя для воспитательныхъ цѣлей. Къ сожалѣнію, очень немногими изъ нашихъ писателей сказки ихъ

изданы отдѣльно, а изъ изданныхъ—нѣкоторыхъ нѣтъ уже въ продажѣ; значительная же часть лучшихъ нашихъ художественныхъ сказокъ скоронена или въ полныхъ собраніяхъ сочиненій авторовъ, или въ старыхъ нумерахъ журналовъ, и затѣмъ вовсе неизвѣстна современному поколѣнію русскихъ дѣтей. Цѣль настоящаго сборника—по возможности восполнить этотъ недостатокъ.

Первый опытъ художественной сказки принадлежитъ у насъ величайшей государынѣ прошлаго да и нынѣшняго столѣтія. Рукою, начертавшею безсмертный „Наказъ“, набросаны и двѣ сказки для дѣтей. Обѣ и умны, и остроумны. Но навѣянные преобладавшимъ въ литературѣ того времени каемъ у насъ, такъ и за границей, дидактическимъ духомъ, онѣ носятъ преимущественно правоучительный отпечатокъ. Одна изъ нихъ, болѣе дѣтская, вошла и въ нашъ сборникъ.

Починъ перенести русскую сказку на народную почву сдѣланъ, каемъ уже сказано, гениальнымъ поэтомъ нашимъ Пушкинымъ. Рѣдкій ребенокъ на Руси, умѣющій читать по складамъ, не знаетъ наизусть его прелестную „Сказку о рыбацкѣ и рыбацкѣ“. Но поэтому самому мы полагали возможнымъ не помѣщать ее въ наше собраніе образцовыхъ сказокъ, поставивъ, взаменъ того, во главѣ ихъ „Прологъ“ къ „Руслану и Людмилѣ“.

По той-же причинѣ, изъ сказокъ Жуковскаго, мы оставили свой выборъ не на „Царь Берендеѣ“, а на менѣ известной, но отличающейся передъ остальными наиболѣе тонкимъ юморомъ, „Войнѣ мышей и лягушекъ“.

Два другихъ современника Пушкина: Кн. Одоевскій и Погорѣльскій, подъ вліяніемъ господствовавшей въ ту пору на Западѣ фантастической школы Эрнста-Теодора-Амадеуса

ХІІ

Гофмана, написали, между прочимъ, и предлагаемыя здѣсь двѣ сказки ихъ, которыя по художественной замысловатости немногимъ уступаютъ причудливымъ созданіямъ автора „**Кота Мурра**“.

Но, по стопамъ Пушкина, цѣлый рядъ русскихъ писателей обращался также къ роднымъ народнымъ мотивамъ. Такъ, Языкову удалось общеизвѣстной „**Жарь-Птицѣ**“ въ стихотворно-драматической формѣ придать новую прелесть, и не даромъ Бѣлинскій предпочиталъ эту пьесу всему, что вообще вышло изъ-подъ пера Языкова. Пересказанная Ник. Полевымъ съ такимъ мастерствомъ „**Старинная сказка о судѣ Шемякѣ**“ даетъ самое живое представленіе о пресловутомъ „**Шемякиномъ судѣ**“, а слѣдующая у насъ непосредственно за нею сказка Даля о „**Правдѣ и Кривдѣ**“ еще болѣе отбѣняетъ настоящее значеніе этого суда.

Конецъ пятидесятихъ годовъ ознаменовался особеннымъ подъемомъ русскихъ періодическихъ изданій, и въ нихъ—народнаго элемента. Во вновь возникшихъ дѣтскихъ журналахъ, а также въ отдѣльных сборникахъ (какъ сборникъ „**Украинскихъ сказокъ**“ Г. П. Данилевскаго) возобновились попытки ознакомленія дѣтей съ народными сказками въ художественныхъ пересказахъ. Образцами наиболѣе удачныхъ такихъ пересказовъ могутъ служить взятыя нами сказки: „**Три зятя**“, „**Свое и чужое**“ и „**Озеро-слободна**“, къ которымъ, по характеру своему, прямо примыкаетъ основанное на народномъ повѣрьи „**Свѣтлое Христово Воскресеніе**“ г. Григоровича.

Но, помимо народныхъ тѣмъ, двое изъ нашихъ современныхъ писателей-художниковъ руководились и собственнымъ вдохновеніемъ: въ „**Мальчинѣ у Христа на елкѣ**“ Достоевскаго совершенно обыденный случай оборотной стороны

столичной жизни затрагиваетъ самыя нѣжныя струны чело-
вѣческаго сердца; а въ высоко-поэтическомъ „Кузнечикъ-му-
зыкантъ“ г. Полонскаго идеализируется міръ насѣкомыхъ.

Въ мірѣ насѣкомыхъ же и растений вращается прозаиче-
ская поэма „Мухоморъ“ г-жи Коваленской, занимающей меж-
ду нашими дѣтскими рассказчицами едва ли не первое мѣсто.

Реальные образы, господствующіе въ послѣднее время
во всей нашей литературѣ, преобладаютъ теперь и въ нашей
дѣтской сказкѣ. Г. Ахшарумовъ, между болѣе крупнымъ ли-
тературнымъ дѣломъ, удѣляющій досугъ свой и для малю-
токъ, разрабатываетъ народныя сказки совершенно самостоя-
тельно, освѣщая ихъ высшею идеей. Такъ, въ его „Вѣтровой
хозяйшнѣ“ одухотворяется сила вѣтра, въ „Емелѣ“—„водяная
сила“ (вода и парь), а во взятой нами сказкѣ „Маланьины
стрѣли“—молнія небесная и оружейная.

Къ тому-же реальному направленію относятся и четыре
послѣднія сказки нашего сборника: одна знакомитъ съ чуде-
сами каменноугольнаго періода, другая—съ цикломъ народ-
ныхъ примѣтъ, третья—съ внутреннимъ міромъ дикаго звѣ-
ря, четвертая—съ трудолюбивымъ царствомъ пчелъ.

Такъ какъ въ числѣ выбранныхъ нами образцовыхъ ска-
зокъ есть и такія, которыя первоначально предназначались
не столько для дѣтей, какъ для взрослыхъ, то онѣ, по не-
обходимости, должны были подвергнуться нѣкоторымъ урѣз-
камъ и передѣлкамъ; причемъ мы, однако, само собою ра-
зумѣется, рѣшили касаться только того, чтò въ томъ или
другомъ отношеніи не соответствовало требованіямъ младшаго
возраста. Сказки эти: „Жаръ-Птица“, „Шемякинъ судъ“, „Свѣт-
лое Христово Воскресеніе“, „Мальчикъ у Христа на елкѣ“ и
„Кузнечикъ-музыкантъ“. „Черная нурица“ хотя и названа авто-

XIV

ромъ ея „волшебною сказкою для дѣтей“, но изъ нея нельзя было не устранить, кромѣ нѣкоторыхъ длиннотъ, неумѣстныхъ насмѣшки надъ воспитателями десятилѣтняго героя и сцену тѣлеснаго его наказанія; а въ паписанномъ сто лѣтъ тому назадъ „Царевичѣ Хлорѣ“ оказалось необходимымъ сгладить нѣкоторыя шероховатости стариннаго слога, которыя, затрудняя чтеніе, могли бы пожалуй отбить у маленькихъ читателей даже охоту ознакомиться съ содержаніемъ этой любопытной и назидательной сказки.

В. Д.

Петербургъ, въ Августѣ 1881 г.

